

Giorgos Katsambekis and Alexandros Kioupiolis
(eds.), *Radical Democracy and Collective Movements*
Today: The Biopolitics of the Multitude Versus
the Hegemony of the People

Farnham: Ashgate, 2014, 247pp., ISBN 978-1409470526

Мария Кочкина
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Книга «Радикальная демократия и коллективные движения сегодня: биополитика множества против гегемонии народа» была задумана редакторами Гиоргосом Катсабекисом и Александром Киупкиолисом как попытка внести вклад в одну из главных дискуссий в современной политической теории. Недавние массовые выступления (indignados в Испании, aganaktismenoi в Греции, Occupy Wall Street, «Арабская весна» и др.) имели ряд схожих черт: горизонтальный принцип организации, сетевые коммуникативные стратегии, отсутствие доминирующих групп или лидеров, спонтанность и т. д., что было интерпретировано как знак происходящего в настоящий момент сдвига от привычного образа политической и социальной борьбы к новым формам протестной мобилизации. Авторы книги относят попытки анализа таких движений к двум теоретическим подходам. Эта дихотомия вынесена в подзаголовок «Биополитика множества против гегемонии народа». В зависимости от перспективы рассмотрения этой полемики, антагонизм приобретает и другие названия: «Трансценденция против имманентности», «Политика против биополитики», «Вертикальность против горизонтальности», «Гегемония против автономии». В каждой главе этой книги авторы берут ту или иную бинарную оппозицию в качестве отправного пункта своего анализа.

Область, в которой разворачивается дискуссия, обычно называется авторами книги «постмарксизмом». Здесь под ним подразумевается подход, характеризующийся отказом от классического понимания социальной динамики через классовую борьбу. Он включает два теоретических направления. Эрнесто Лаклау и его последовате-

ли обращают внимание на культурную составляющую классового антагонизма и поле дискурса, следуя курсу Антонио Грамши, который предложил концепцию гегемонии (Laclau and Mouffe 2001). Вторая модель по большей части разработана Антонио Негри и Майклом Хардтом в их трилогии (Hardt and Negri 2009; Хардт, Негри 2004, 2006) и дополнена другими автономистами. Эти авторы отходят от ортодоксальной марксистской точки зрения, рассматривая процессы в современном обществе в качестве результата непрекращающейся экспансии капитала и изменения в режиме производства, которое становится биополитическим. Считается, что выбор между этими двумя концепциями в отношении анализа современных общественных движений имеет значение в двух измерениях. Во-первых, это проблема описания и понимания происходящих событий. Во-вторых, это проблема выбора политической стратегии и будущего развития социальной борьбы.

Книга состоит из 10 глав и введения редакторов. Среди авторов есть мыслители, как являющиеся представителями одной из сторон, так и не идентифицирующиеся ни с одной из них. Большинство глав содержат изложение обеих точек зрения, вследствие чего схожие аргументы повторяются по ходу книги. Сложно уловить какую-либо логику в структуре книги, в ней нет систематизирующего принципа. По-видимому, идея составителей заключалась в том, чтобы предоставить площадку для различных и конфликтующих позиций, и это им действительно удалось.

Бенджамин Ардити и Соул Ньюман пытаются обнаружить ограничения, с которыми сталкивается теория гегемонии, когда пытаются объяснить феномен современных движений, и указывают на то, каким образом, приняв автономистскую точку зрения, можно лучше понять происходящие изменения. Так, Ардити критикует тенденцию к сведению всех форм политической активности к гегемонистским практикам в работах Лаклау и Муфф. Это приводит к тому, что альтернативные политические проекты не могут быть истолкованы в рамках такого подхода. Он считает, что новые формы массовой мобилизации расширяют политическое пространство для новых режимов протестного вовлечения, которые вместе образуют то, что он и ряд других авторов (например, Beasley-Murray 2010) называют «пост-гегемонией».

Ричард Дэй и Ник Монтгомери считают важным для политической теории взаимодействовать с субъектами социальных и политических изменений и даже обращаться к ним в своих работах. Несмотря на то что авторы, очевидно, стоят на автономистской позиции, они критикуют понятие «множества», так как видят в нем гегемонистский оттенок, что противоречит стремлениям автономистов, в том числе самих Негри и Хардта. Отказ от понятия «множества» как новой реинкарнации универсального революционного субъекта

позволяет обратить внимание на борьбу коренных народов, в которой авторы видят предзнаменования «Исхода». Хотя эта глава содержит интересную критику концепции Хардта и Негри, она также в своей позитивной части обнаруживает тенденцию к упрощению. Несмотря на упоминание движений коренных народов, здесь почти ничего не говорится о формах их организации и о том, каким именно образом они представляют собой альтернативу Империи, если не брать в расчет оппозицию «глобального» и «локального». В итоге это рассуждение приходит к удивительному выводу: к отрицанию разницы между Империей и Множеством. Дэй и Монтгомери замечают противоречивость проекта Империи, однако их решение его внутренних проблем «изнутри» выглядит неубедительно. Кроме того, призыв обращаться к субъектам социальных изменений как будто забывается авторами к концу текста, и остается неясным, какую пользу участники движений могут извлечь из подобных поворотов в автономистской теории.

Джоди Дин также критически относится к понятию «множества» Негри и Хардта, так как считает его слишком универсальным и неспособным объяснить внутренний антагонизм, присутствующий в любого рода движении. В своей главе она стремится предложить новое понятие, которое бы позволило выйти за пределы этой дихотомии и открыть новые пути рассмотрения радикальной борьбы. Она пишет, что в современных условиях концепция «пролетариата» становится неполной, так как она исключает разнообразие форм сопротивления. Пролетариат является исторически специфическим видом объединения народа. Автор обращается к Жаку Рансьеру и, развивая его идеи, предлагает понятие «народ-как-остальные», которое могло бы преодолеть это неполноту и стать именем для современного революционного субъекта.

Работа Яниса Ставракакиса призвана защитить теорию Лаклау от критики с автономистской стороны. Здесь почти ничего не говорится ни о движениях, ни о концепциях противостоящего лагеря. Однако тонкость и детальный подход к теории гегемонии делает эту статью глотком свежего воздуха в ряду довольно схожих текстов. Ставракакис показывает, что отказ от теории гегемонии и ее критика во многом происходят от упрощения и отсутствия чувствительности у авторов к идеологическим предпосылкам, как собственным, так и принадлежащим изучаемым объектам — социальным движениям.

Кипкиосис и Катсабекис пытаются выйти за пределы заявленной оппозиции, предлагая такие понятия, как «гегемония множества» (149) или «множественный народ» (184). Желание свести эти две теории можно понять, но как возможно совмещение подходов с такими разными онтологическими предпосылками, остается неясным. Такой методологический ход ставится под вопрос Полом Рек-

нетом в главе 6. Создается впечатление, что эти концепции подразумевают анализ разных сфер политики, и возникает сомнение, что эти новые кумулятивные понятия могут помочь в понимании того, какова конфигурация этих сфер. В результате читатель остается с ощущением, что его обвели вокруг пальца. Сначала эти концепции строго разводятся и обозначается дилемма. Затем предлагается решение, которое заключается в прибавлении одного к другому, вместо того чтобы поставить вопрос о том, есть ли вообще здесь дихотомия и почему стоит именно так смотреть на эту проблематику.

Будучи критично настроенными к позиции другого лагеря, авторы, однако, единодушно симпатизируют обсуждаемым движениям. Очевидно, что есть нечто общее в том, как возникают движения, но также есть и отличия в их стремлениях. Важно обращать внимание на то, как движения, которые кажутся морфологически схожими, отличаются по форме организации, дискурсу, целям, самоопределению. «Множественность» этих движений влияет на способы политического вовлечения, которое начинает больше походить не на коллективное, а на коннективное действие (Bennett and Segerberg 2012). Бывает, что обретение движением подобной формы сопровождается левым идеологическим уклоном, но это не обязательно так. Стремления авторов этого издания могут быть слишком радикальными и даже противоположными целям, которые ставят себе сами активисты. Кроме того, даже группы внутри одного движения могут иметь разные видения ситуации и намерения. Несмотря на то что украинские и российские протесты в чем-то похожи на «Арабскую весну» и, по-видимому, заимствовали некоторые протестные практики у таких движений, как Оссиру, их сложно назвать антикапиталистическими, как и в случае с самой «Арабской весной». Как отличить один тип движений от других, если дело только в организации, а не в идеологии? Отказавшись от попыток ответить на этот вопрос, можно оказаться посреди борьбы за гегемонию, «направленную на получение согласия от потенциальных читателей», по замечанию Ставракакиса (120). Подобно Ставракакису, другие авторы, такие как Алек Нотт, Мария Прентоилис и Лассе Томассон, ставят своей задачей показать, что множественность современных протестов — это образ, который не только обсуждается интеллектуалами, но и используется самими движениями. Авторы признают, что эта идея полезна, поскольку она может быть воплощена на практике и может способствовать трансформации движений. Такой вывод был бы удовлетворительным, если бы мы знали, может ли это сработать в действительности, и если бы с ним был связан не только вопрос стратегии, но и онтологии.

Эта книга является важной попыткой ответить на вопросы современной политики, но она не приводит к каким-либо определенным результатам. Можно предположить, что, будучи посвященной

одной проблеме, она могла бы помочь организовать существующие взгляды, но вместо этого читатель остается с умножающимся многоголосием. Судя по введению, девизом этой книги по задумке авторов должно было стать высказывание «Давайте вернемся к политике» (Хардт, Негри 2004: 14), но этот призыв кажется совершенно несопоставимым с впечатлением от прочтения книги. К какой политике нам нужно вернуться? Или стоит подождать, пока какая-нибудь телеология реализует себя и выведет нас из аналитического затруднения? Если дело только в практике, то зачем нам нужны более чем 200 страниц анализа и критики? Несмотря на то что смелая постановка вопроса заслуживает похвалы, в целом, главным достоинством этой книги является не некоторое общее заявление, а детализированная критика двух популярных в политической теории взглядов на современные общественные движения.

Библиография

- Хардт, Майкл и Антонио Негри (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
- Хардт, Майкл и Антонио Негри (2004). *Империя*. М.: Праксис.
- Bennett, Lance and Alexandra Segerberg (2012). "The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics". *Information, Communication and Society* 15.5: 739–768.
- Hardt, Michael and Antonio Negri (2009). *Commonwealth*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Laclau, Ernesto and Chantal Mouffe (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.